

Нина Богданова

г. Москва

Старец Сергей

Богата наша земля русская тихими праведниками, которые служили Господу Верой и Правдой в любые времена, при любых властях. Об одном из них, а именно старце Сергии Евстигнееве, хочу рассказать.

Старец Сергей Емельянович Евстигнеев родной брат моей бабушки.

И вот я, внучатая племянница старца Сергия, решила вспомнить всё, что слышала о своём дедушке от мамы, тётушек, маминых сестер, от деда, маминого отца, и от других людей, знавших старца лично.

В Летописях Свято-Серафимо-Покровского монастыря имеются записи о моём дедушке, там трепетно относятся к его памяти, и уже почти год читают на молебнах Акафест старцу Сергию Кольчугинскому (по благословлению Преосвященнейшего Аристарха епископа Кемеровского и Новокузнецкого).

Но мне бы хотелось вспомнить, как чтили память старца в его собственной семье, как он помогал при своей жизни и помогает сейчас всем, кто попросит его о молитвенной помощи перед Богом. И не прервётся цепочка памяти о праведнике русском, который при жизни сумел выполнить заповеди Господа и шёл по стопам Христа, не имея собственного жилья, не имея лишней одежды, не имея даже паспорта. Всё его богатство было – две книги: Евангелие и молитвослов.

В трудные годы войны и репрессий подкреплял он людей молитвой, учил их мужеству и вселял веру в Христа. Облик старца хранит небольшая чёрно-белая фотография военных лет, передающая равномерное свечение над головой. Эта фотография из нашего семейного архива.

В конце семидесятых годов, уезжая на постоянное местожительство в Москву, в числе многих фотографий своих родственников я забрала и фото отца Сергия (именно так звали его в нашей родне: отец Сергей), но сияния над головой тогда не было.

Оно появилось в 1989 году. И только через несколько лет узнала я, что именно в 1989 году вырос из пепла, разрушенный ранее, Покровский храм в городе Ленинске-Кузнецком, вокруг которого к 1992 году, с Божьей помощью, впервые в Кузбассе возникла женская обитель: Свято-Серафимо-Покровский монастырь, о появлении которого перед смертью поведал старец своим духовным чадам сорок лет назад. А было это так.

Незадолго до смерти, в 1952 году, сказал он следующие слова: «Много ещё сметут церкви. Но придут и другие времена. После правления богоборческой власти, Храмы будут возрождаться из руин, строиться заново, и в нашем городе тоже будут новые храмы, и будет монастырь, а построит его человек, носящий такое же имя, как и у меня: Сергей».

Первым настоятелем и строителем Покровского храма стал Сергей Плаксин.

Сбылись предсказания старца. Восстановились церкви и засияли на них купола! Открылись двери храмов! Открылся монастырь: небесная обитель на Кузбасской земле.

Нина Богданова (Оранчук) - родилась в городе Ленинске-Кузнецком в 1952 году. В 1959 году семья переехала в Кемерово. Родители – Оранчук Василий Яковлевич и Малышева Татьяна Прокопьевна военнослужащие, участники ВОВ. В 1970 году поступила в Кемеровский институт культуры на отделение «Режиссёр народного театра». В 1975 году закончила институт, вышла замуж. Уехала в Москву. Работала в детских театральных коллективах московских школ. Сейчас на пенсии и живет в Москве.

Был ли старец Сергей монахом или священником, или просто глубоко верующим во Христа человеком – знает только БОГ. Но по молитвам праведника, случались чудеса исцелений, приходила неожиданная помощь, и даже простая беседа с ним приносила послабление в скорбях и печалях.

Незадолго до смерти, матушка Августина, ухаживающая за ним, очень плакала: «Как мы без вас? Кто нас подкрепит?». Старец ответил: «Вы и после смерти обращайтесь ко мне. Я вам помогу. Я буду ближе к Престолу Божию и буду за вас молиться». Смерть свою он предсказал день в день. Сказал буквально следующее: «5 марта за мной придут Святитель Николай и Серафим Саровский. Они мне лапти принесут».

И вот 5 марта в маленькой комнатке, в подвале, где жил последние годы слепой старец, собралось много православных людей. В какое-то мгновение, он чуть приподнял голову и сказал радостно: «Зажигайте свечи и пойте молитвы! Встречайте дорогих гостей! Ко мне едут».

И праведник отошёл к Богу.

Воспоминания

Я ещё не родилась, когда старец Сергей покинул этот мир. Но его праведность и набожность, несомненно, влияли на весь строй нашего многочисленного семейства. Род мой, по линии матушки, идёт от Емельяна Евстигнеева, из-под города Ржева.

Семья была многочисленная, а кормить было нечем. В конце 19-го века, в Центральной части России лютовал голод. Многие в то время уезжали за Урал в поисках другой жизни. Поехал искать счастья для своей семьи и мой прадед. Так моя бабушка и её брат Серёжа, а также трое старших их братьев, стали сибиряками, жителями города Кольчугино.

Одно из первых воспоминаний детства: комната дедушки (мамино папы). Вверху, в уголке – икона, в золотистом окладе, на комодке – старинная книга с крестом. Медовый запах свеч. Под иконой металлическая тросточка. Дотрагиваюсь до неё осторожно. Холодный металл обжигает пальцы. Немного страшно. И любопытно. Всё по-другому в комнате деда. Таинственно, загадочно и необычно. Спрашиваю:

«Деда, а кто там, вверху, в золоте?». Дед отвечает: «Спаситель».

«А кого он спасает?». «Всех».

«Отчего?»

«От зла!»

«А что такое зло?»

Дед гладит меня по голове и молчит.

«А зачем здесь стоит палочка? Она твоя?».

«Нет, – отвечает деда, – это тросточка твоего второго дедушки, который уже ушёл от нас».

«А куда ушёл?»

«На небо!»

И я с радостью рассматриваю в окно огромное голубое небо.

Второе детское воспоминание, связанное с отцом Сергием, – испуг.

Давно уже я понимаю, что это был не испуг, а лицезрение чего-то мощного и неземного, сверхъестественного и загадочного.

Такое чувство испытывает человек, когда, долго находясь в тёмной комнате, вдруг видит, что открывается дверь, и в помещение врывается сильный вихрь воздуха, и ярко вспыхивают огни. Но для маленькой девочки это состояние было испугом.

Мы с родителями жили уже в Кемерове, но к деду, маминим сёстрам и дяде Ване, жившим по-прежнему в Ленинске-Кузнецком, ездили часто. И вот однажды заехали к тёте Вале, моей крёстной, которой сейчас 83 года, и дай ей Бог ещё долгие лета!

Мы зашли в переднюю и стали раздеваться, а я подняла голову вверх и закатила глаза от страха. На меня летел ангел с лучистыми глазами, и огромными белоснежными крыльями за спиной. Я крепко зажмурила глаза и съежилась. Тётушка встряхнула меня:

– Что с тобой, племянница? Чего ты испугалась?

Я будто в рот воды набрала, и глаза боюсь открыть.

– А что там у вас? – кивнула головой.

– Где? – спрашивает крёстная.

– В углу!

– Так отец Сергей, твой двоюродный дедушка, – и обращаясь к кому-то из взрослых, добавила:

– Ваня (родной брат мамы и крёстной) увеличил фото отца Сергея, я его в рамочку, и на шкаф поставила. Вхожу в дом, а он меня уже встречает!

Взрослые стали заниматься своими делами. А я, встав на стул, начала рассматривать фото дедушки. На меня смотрели огромные голубые глаза неземной красоты. Но смотрели как-то необычно, заглядывая в душу и сердце, и пронизывая меня насквозь.

И снят он был так интересно, что руки были похожи на крылья, а голова приподнята вверх. И казалось, что он застыл перед полётом. А мне этот полёт уже и увиделся. Это была одна из трёх фотографий, которые хранились у нас в семейном архиве. Две фотографии были сделаны после войны, когда старец был уже слеп, а вот та которую я увидела впервые и которая поразила моё детское воображение, была сделана, когда дедушке было лет 25 и глаза его были ещё зрячими.

Прошло много лет, но потрясение не забылось. Что-то неземное было в той фотографии, как будто фотограф запечатлел душу чистую, как родник, и светлую, как зорька. А детский невинный взор узрел у праведника и крылья за спиной.

Воспоминания иногда очень тревожат душу, и хочется закрыть их, как страничку фотоальбома, но не получается. Печаль о близких, родных людях, которые давно ушли в мир иной, как родничок журчит в душе и не иссякает...

Праздничное застолье. Ещё все живы. Ушла только моя бабушка, мамина мама, а остальные здесь, за столом. Дед, мама, папа, все тётушки, дядя Ваня, все с жёнами, мужьями, детьми.

Дед запекает: - Хас Булат удалой, бедна сакля твоя! Золотою казной, я осыплю тебя...

Дети подхватывают:

- Дам коня, дам кинжал, дам винтовку свою.

А за это, за всё, ты отдай мне жену.

Песен пели много, но «Хас булат удалой», и «По диким степям Забайкалья» были моими любимыми.

Дедушка и его взрослые дети пели так слаженно и красиво, что вокруг всё замолкало. Мы, забыв игры, слушали дивный хор. Незабываемые впечатления детства! Окна открыты. И песня разносится по округе.

Через какое – то время хор стихает. Молчание. А потом начинаются самые счастливые минуты для меня. Начинаются воспоминания старины. Всегда разные. Всегда интересные и необычные. Мои сёстры и братья убегают на улицу. Маленькие сестрёнки укладываются спать, а я сижу, забившись в уголок дивана, и вслушиваюсь в то, о чём говорят мои любимые взрослые. Мне это интереснее всего на свете. Но история моей семьи – это другая история, сейчас же я вспоминаю моего дедушку- праведника, монаха в миру, старца Сергея, о котором всегда добрым словом поминали мои родственники.

Если первое детское воспоминание о нём было связано с необычным испугом, когда увидела я его ангелом, то второе – с удивлением.

Из Ленинска-Кузнецкого приехали к нам, в Кемерово, родные. Праздник Победы. Мои родители – фронтовики, рассказывают о войне. Мама закончила медицинский техникум прямо перед войной, и в первые месяцы войны была мобилизована на фронт. За четыре года службы в медсанбате, под непрерывном огнём, мама, как и все её боевые подруги, спасла жизни многим бойцам, потеряла родных людей, но домой весной 1945 года она вернулась

без единой царапины. Радости дедушки с бабушкой не было границ. Среди общего шума и веселья, вдруг возникла минута тишины, и отец Сергей, тогда уже почти слепой, сидя в уголке, опираясь на свою тросточку, говорит:

– А я, раба божья Татиана, веничком от тебя пули отгонял, вот и не задела тебя ни одна из них.

И вот эти слова «веничком от тебя пули отгонял» – были вспомнаны и тогда, в день встречи родных у нас, в Кемерове. Мне тогда было лет девять, и я никак не могла представить всё это. Как это «пули веничком отгонять»?.. Да и сейчас мне этого не постигнуть.

Во время войны особенно горячо молился он не только за мою маму, свою племянницу, но за весь русский народ, и за нашу Победу в страшной войне. Но война – войной, а закон – законом, и в первые годы войны ярый атеист участковый милиционер того района, где бывал отец Сергей, объявил на старца охоту как на врага коммунистической жизни, распространяющего «опиум религиозный» для народа.

Мои родные бабушка и дедушка были людьми мудрыми, и тогда уже понимали, что Сергей – человек не от земли, это человек-странник, это Божий человек. Жил он, как птица небесная, и удержать его в доме никак нельзя было. Это, видно, уже Богом так было положено. Ходил он из деревни в деревню и проповедовал Евангелие. Храмов-то не было! А как русскому человеку без веры? Никак нельзя. Вот и тянулись к праведнику.

Но власти решили его прибрать к рукам. Не тут-то было! Православный люд укрывал молитвенника, как мог. Жил он то у одних, то у других верующих, и хотя на него уже была объявлена охота, избежал ареста. А было это так:

Однажды жил он в деревне Христиновка, недалеко от Ленинска, у рабы божьей Валентины (не моей крестной Валентины, а другой).

Молился он за всех не только днём, но и ночью, а если очень уставал, ненадолго ложился на сундучок, стоящий у стены, за занавеской.

В тот вечер старец прилёт после долгой молитвенной работы... В дверь громко постучали. Валентина открыла. Вошёл уполномоченный и сразу (по свидетельству самой Валентины) начал о главном:

– Говорят, у тебя старец часто бывает? Ты должна доложить в милицию, когда появится, а не то... смотри! Ты же знаешь, что его милиция разыскивает.

Валентина стояла ни жива ни мертва, а уполномоченный расхаживал по дому. Заглянет за печку и отойдёт. В комнаты заглянет и отойдёт. В кладовую заглянет и отойдёт. Но вот он подходит к занавеске и начинает её открывать, сердце Валентины холодеет и сжимается в комочек... А уполномоченный, не открыв до конца занавеску и не заглядывая вглубь, резко поворачивается и идёт на выход. Уходя повторяет:

– Смотри! Сразу доложить, если узнаешь, где старец!

Когда женщина пришла в себя и рассказала свои волнения, отец Сергей ответил:

– Ты, раба божья, ничего не бойся. Мы ведь с Господом! Вот он нас и укрывает! А уполномоченный и не увидел бы меня, ведь я непрерывно творил Иисусову молитву!

Истинно решившийся служить Богу должен творить эту молитву сердцем и душой. Она – защита от врагов видимых и невидимых:

«Господи Иисусе Христе! Сыне Боже, помилуй меня грешного».

Слава Богу за всё!

На миссионерское служение Богу отец Сергей вышел ещё до войны. Он был проповедником слова божьего. Мой родной дедушка рассказывал:

– Бывало, придёт в село, остановится в избе верующего человека, а уж и молва по дворам пошла: «отец Сергей здесь!». До ста человек собирались по домам, чтобы услышать Псалтырь, Святое Евангелие, чтобы послушать о Христе и о спасении.

Ходил он в одежде, что Бог пошлёт. Последние же годы и вовсе в одном стареньком ветхом пальтишке.

Сестра его (моя бабушка) и её братья были людьми зажиточными и покупали ему добротные вещи, но они странным образом исчезали, а он по-прежнему оставался в своём стареньком пальто. Новые же вещи раздавал, по его словам, более нуждающимся в них людям. Тогда в Сибири морозы доходили до сорока градусов, и родные спрашивали его:

«Как же ты? Разве не мёрзнешь?». Он отвечал: «Меня молитва греет».

Ещё мои тётушки вспоминали, что говорил он тихо, а в основном молчал. Одна из его племянниц (моя тётя) в молодости была очень бойкой, говорливой и, что называется, острой на язычок. И сказал ей однажды дядя Сергей:

– Тебе, раба божья, надо водички в рот набрать и глаза завязать.

– А я много позже поняла, о чём говорил дядя, – вспоминает тётушка, – говорил он о том, что нельзя осуждать поступки других, нельзя обижать людей нелепыми шутками, да не надо иметь кокетливых взглядов! Часто говорил старец своим племянникам также о жизни вечной, к которой надо готовиться здесь. И всё это было им, молодым очень странно, ведь везде трубили об атеизме, о том, что Бога выдумали. «И дядя казался нам, – вспоминает моя крёстная – очень странным. Мяса не ест, всё молится в уголке, и нас просит молиться, однако запомнили мы на всю жизнь его слова: «Молитву всегда творите! Без молитвы ничего не делайте! Да крестное знамение накладывайте правильно, не торопитесь, в этом важном деле не нужна спешка».

Однажды кто-то из нас (нелепое любопытство молодости) спросил у старшей сестры нашей мамы: – Были ли у него женщины?

И она рассказала, что при его жизни кем-то был задан этот вопрос, и он ответил на него кратко и тихо: – Я чистой воды монах. Никогда я не видел и не осязал женского тела.

Когда отец Сергей стал известен своей праведностью, многие приходили к моей бабушке, его родной сестре, и спрашивали о нём: как рос, чем занимался, как пришёл к Богу? И она говорила, что родители их были людьми верующими, но среди детей самым набожным был Серёжа. И с самых малых лет он был необычайно смиренен и покорен. Много молился, мало ел с детства.

«Удивительнее всего было то, что он не обучался грамоте, а Священное Писание читал свободно. Как это происходило, – говорила бабушка, – одному Богу ведомо! Семья большая, работы много. Нароботаешься за день, и с ног валишься, а Серёжа, как бы не уставал, всегда на ночь читал Священное Писание. С самой ранней молодости он знал все Церковные праздники и напоминал родственникам о них. Соблюдал посты, среды и пятницы, хотя что ему-то было соблюдать мяса то он не ел вообще».

Рассказывала ещё бабушка, что когда в начале тридцатых годов снесли все храмы в округе, брат её очень сокрушался. Но однажды прошёл слух, что в соседней деревне оставили одну маленькую церквушку, и священнослужителя не тронули.

Деревушка была в 20-ти верстах, и Сергей ходил туда на богослужения и в лютые морозы и жаркое лето. В любую погоду. 20 вёрст туда и 20 обратно.

А как верующему человеку без храма? Никак нельзя. Живя в миру, он, по сути, был монахом. Чужды были ему разного рода накопительства. Никогда и ни на что он не претендовал, не стремился иметь собственное жильё, не было у него запасов одежды, не было запасов денег. И не заботился он о завтрашнем дне. Когда перестала действовать церковь и в Красном селе, верующие стали собираться по домам, и старца ждали в деревнях, как ждут солнца в пасмурную погоду, так как священнослужителя сослали «из Сибири в Сибирь», а без молитвы верующий человек не мог. И вот, наверное, в то время Сергея стали называть отцом Сергием, хотя он просил всех: «Не называйте вы меня так. Кто я такой? Только раб божий. Я ведь не священник».

Однако его почтительно называли отцом Сергием.

В то время он совсем ушёл из дома своих родных, и стал проповедником Слова Божьего. И жил, где придётся, чтобы только донести до народа смысл веры в Бога единого.

По словам очевидцев, был он всегда добр и приветлив, радушен и спокоен. Слова Священного Писания объяснял толково и доступно, утверждая, что русского человека никто и никогда не разлучит с Богом.

Всплывает ещё одно яркое воспоминание из детства – могилки.

Да, именно так в Сибири называют кладбище.

В начале 60-х годов, когда ещё не были открыты церкви, народ отводил свою душу на могилках. Большевики разрушили храмы, но оборвать связь русского человека с Богом они не смогли.

С детства помню Пасху, родительскую субботу, Николу, Казанскую, Владимирскую. Эти слова всегда были на слуху. Народ чтит религиозные праздники, и не прекращал общения с Богом. Но так как не было церквей, шли на могилки. Одевались красиво, нарядно, на Пасху крашенные яички, куличи, конфеты, печенье. За оградкой ушедших предков всегда стояли скамеечки, стол, за которыми усаживались родственники, и вспоминали своих родных. У нас, у детей, не было никакого страха перед кладбищем, да и до сих пор нет, так как это место было светлым и значительным по разговорам взрослых.

У могилки дедушки, старца Сергия, всегда было очень много людей. Выстраивалась очередь. Подходили к его кресту, целовали, что-то просили или просто плакали (как тут не вспомнить Феофана Затворника и его слова: «Христианину не быть без креста!»). Но церковные кресты были сметены, и остались они только на кладбищах.

К дедушкиному же кресту было особенное почтение. Уж кто на себе испытал его молитвенную помощь, кто первый начал брать земельку с его могилы – неизвестно.

Но слухами земля полнится. По городу стали говорить, что помогает его земелька, если прикладываешь её к больному месту. А если мучают головные боли, надо приложиться к кресту, и боль уходит. После больших праздников, когда каждый хотел взять щепоточку драгоценной земли, мои родные вновь насыпали земельку на могилу, принося торф с пустыря. А однажды сидела там женщина, и подошли к ней мои тётушки, пришедшие поправить могилку, и видят как та собирает в ладонь земельку.

Мои спрашивают:

– Помогает вам земляца нашего праведного дяди?

– А вы его племянницы?

– Да.

И вдруг женщина бухается перед ними на колени и начинает плакать. Тёти мои быстро поднимают её:

– Да вы что? Мы-то тут при чём? – заголосили они.

А женщина говорит:

– Это я от радости. Я ведь практически не ходила. А теперь на ногах. Слышала, что при жизни сказал старец такие слова: «Кто меня не знает, тот потом узнает. А как умру я, приходите ко мне на могилку, исцеляйтесь».

Тётушки кивнули:

– Знаем. Землицу-то мы ведрами носим,- и улыбнулись.

Женщина приложилась к кресту, поклонилась и ушла.

Но не только за земляцей ходили люди. Уже в 80-х годах, когда в Ленинске открылась церковь, стали на могилке праведника служить панихиды, читать акафесты и возносить иные молитвы к Богу. Никогда не зарастала тропа к чтимому старцу.

Последние годы жизни отец Сергей терпел большие скорби. У него перестали двигаться ноги. И он полностью ослеп. На богослужения он уже не ходил, но, оставшись дома, пел «Херувимскую», «Милость Мира» и другие церковные песнопения. Матушка Августина, которая ухаживала за ним последние годы, рассказывала, как приходили после службы прихожане и говорили:

– Отец Сергей! Если бы ты знал, сколько было народу! Даже поклон нельзя было сделать.

– Да как же, – отвечал старец, – я был на службе. Там только четыре человека молились.

Прихожане от удивления замолкали, потом, после паузы, осторожно спрашивали:

– А что же остальные?

– А остальные, – отвечал, – думами дома были, дела делали.

Но самое удивительное: он называл имена тех, кто был в храме и молился.

Говорили, что любовь его к людям была велика. Не любил он только Ленина и Сталина, называл их слугами сатаны. Предсказал смерть Сталина, и тот факт, что будет лежать он в Мавзолее рядом с Лениным, заключая это предвидение фразой: «Их земля не примет».

До конца жизни своей, до последнего издыхания был он добр, терпелив, и ласков с людьми, молился за них каждую минуту, творя не одну сотню Иисусовых и Богородичных молитв в день. И в мир иной ушёл с молитвой и улыбкой на устах. Последними же его словами, как уже было сказано выше, были слова радости о встрече в мире ином с духовными его братьями. Сказал же он следующее:

– Зажигайте свечи! Пойте молитвы. Встречайте дорогих гостей!

Слава Богу за всё!

В память о дедушке не могу не упомянуть ещё одного тихого праведника, близкого друга старца Сергия, Александра Поспелова.

С 1945 года и до её закрытия в начале пятидесятых был он настоятелем церкви в Ленинске-Кузнецком. Матушка его, супруга, была, что называется, с норовом. Однажды сказала она старцу:

– Почему это тебя зовут отцом Сергием? Зачем подходят к тебе за благословением? Ты кто такой? Ты даже не священник.

Батюшка же, отец Александр, остановил её словами:

– Не видишь своими глазами на кого кричишь. Помолчи.

Отец Александр Поспелов был истинным христианином и самоотверженным священником. Когда после войны открылась в городе церковь, было в ней очень многолюдно. Настрадались люди без храма за годы репрессий и войны. Батюшка отслужит вечернюю и начинает исповедь, которая проходила иногда до глубокой ночи.

А в семь утра Литургия. Потом панихиды, потом требы: одни начинаются, другие заканчиваются. Минуты не было у него свободной. Матушка его с сыном уехала в другой город, покинула своего супруга священника, а он продолжал самоотверженно служить Богу в то безбожное страшное время. От невыносимой нагрузки батюшку парализовало. Знакомые забрали его в Новосибирск, где он и скончался.

Вот такие тихие праведники жили когда-то на земле Сибирской. Царствие им небесное!

Можно и закончить свои воспоминания. Сказано достаточно. Однако не могу не упомянуть о том, что видела собственными глазами, и как ощутила защиту и помощь старца на себе, и на своих самых близких людях.

Мой двоюродный брат Александр, в 90-е годы, попал в крупную передрагу. Обокрали его, раздели и выкинули в степи сибирской. Рядом никакой дороги, мороз -40. Осталась на голове старая шапка. Он встал на неё одной ногой, другую поджал как цапля, и начал молиться (хоть раньше и не делал этого), молился своими словами: «Господи, помоги!» Потом не переставая стал кричать: «Дедушка! Отец Сергий, помолись за меня!» Через некоторое время он услышал рёв двигателя. Как оказалось, недалеко была дорога, её запорошило снегом, и по ней проезжал грузовик. Водитель, дай Бог ему здоровья, посадил моего брата в кабину и удивлённо рассказал, что в эту сторону совсем не собирался ехать, но вот приехал, а почему объяснить не может.

Примеров его молитвенной помощи очень много, и скоро о них можно будет почитать в книге, которая готовится к выпуску в городе Кемерово.

Хочу рассказать ещё один маленький случай, который произошёл со мной.

Этой весной, в мае, я поехала на свою малую Родину. Несомненно, что в первую очередь

стремилась на могилку, но что-то всё хворала. Однако устроилось так, что в один из дней, совпадали планы всех моих родственников, и надо было ехать.

В машине я заснула и не заметила, как приехали. На улице было очень холодно.

«На этом погосте практически все мои старшие родственники, – подумала я, – дяди, тёти, бабушка, дедушка, брат, и надо бы всех обойти, почтить память, а я еле жива от болезни. А когда ещё сюда попаду? Что делать?»

У входа на кладбище огромная вывеска: «Проход к могилке отца Сергия». И стрелочка указана. Раньше этого не было.

Подходим к оградке. Берёза стала такой высокой! Я помню её с детства. Прикасаюсь лбом к могильному кресту, прошу отца Сергия помолиться о нас, грешных. Потом добавляю тихо: «Дедушка! Помоги ко всем ушедшим зайти, я еле на ногах стою!»

Поднимаю голову вверх, а прямо на меня с его берёзы смотрит тоненькая сосулька. Наташа, моя двоюродная сестра, говорит:

– Это тебе подарок от отца Сергия!

Я беру в руки сосульку, и она очень быстро тает. Из ладони пью ледяную воду.

Через полчаса мы возвращаемся к машине, обойдя всех наших родных. Болезни моей как не бывало.

